

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

POLITICAL STRUGGLE: CONCEPT, ESSENCE, PSYCHOLOGICAL COMPONENT

A. Bryzgalova

Summary: Despite the fact that the phrase «political struggle» is known to almost everyone from one context or another, the real ideas about what is political struggle are not fully formed even among people involved in this issue and directly involved in it. Often political struggle is equated with political conflict, sometimes it is said that the latter is a special case of the former. Some researchers believe that the concept of political struggle is appropriate only in the context of class theory. It is worth noting that political struggle is not limited to economic confrontation, it is a more complex form of social interaction. This article attempts to systematize existing theoretical approaches to understanding political struggle, as well as some psychological components of its conduct.

Keywords: struggle, political struggle, conflict, political conflict, class struggle, psychology of struggle, cognitive warfare, information technology.

Брызгалова Ани́та Вади́мовна

аспирант, Санкт-Петербургский

государственный университет.

anita.bryzgalova@yandex.ru

Аннотация: Несмотря на то, что словосочетание «политическая борьба» известно почти каждому из того или иного контекста, реальные представления о том, что есть политическая борьба, до конца не сформированы даже у людей, занимающихся данным вопросом и непосредственно включенных в нее. Нередко политическая борьба приравнивается к политическому конфликту, иногда говорят о том, что последнее частный случай первого. Часть исследователей и вовсе считает, что понятие политической борьбы уместно только в контексте рассмотрения классовой теории. Не лишне отметить, что политическая борьба не ограничивается экономическим противостоянием, представляет собой более сложную форму социального взаимодействия. В данной статье предпринята попытка систематизации существующих теоретических подходов к пониманию политической борьбы, а также обозначены некоторые психологические компоненты ее ведения.

Ключевые слова: борьба, политическая борьба, конфликт, политический конфликт, классовая борьба, психология борьбы, когнитивные войны, информационные технологии.

Понятие политической борьбы представляет собой настолько многомерное явление, что видится необходимым прежде всего разобрать его на ключевые составляющие, определить отдельно специфику «политического», после самостоятельно категорию «борьба» и в заключении сделать вывод об их сосуществовании.

Поиск ответа на вопрос, что есть «политическое», не может пройти мимо известной работы К. Шмитта «Понятие политического». Первое, что в ней отмечает автор, понятие «политическое» нередко ошибочно приравнивается к «государственное», что сильно искажает реальные представления об интересующем нас предмете, поскольку исключает общество как самостоятельную единицу, влияющую на политические процессы. Второе, рассмотрение критериев политического, по мнению автора, самый простой вариант их обозначения исходить из различения, где политическим различием будет дихотомия «друг/враг», а под врагом понимается «борющаяся совокупность людей, противостоящая такой же совокупности» [1, с. 304]. Противоположность может носить этнический, экономический, моральный или иной характер. Исходя из этого пункта, можно заключить, что понятие «политическое» уже включает в себя борьбу, в том числе потому, что вся жизнь борьба и каждый в ней борец в смысле бытийственной изначальности. К. Шмитт также пишет о том, что военная борьба не продолжение политики иными средствами, как по-

рой ошибочно цитируют Клаузевица, но с общим направлением мысли соглашается, что политика — всегда «мозг» войны. Третье, признание того факта, что именно государство находит врага и борется с ним, человечество как таковое без «политического» не имеет врагов, а «если государство во имя человечества борется со своим политическим врагом, то это не война человечества, но война, для которой определенное государство пытается, противостоя военному противнику, оккупировать универсальное понятие» [1, с. 331].

Если обратиться к другим исследователям «политического», начиная от Аристотеля с его человеком как существом политическим, заканчивая рассмотрением К. Лефора, А. Бадью и других политических философов, обнаруживается его недостаточная междисциплинарная оформленность в современной науке, где зачастую отдается главенствующая роль либо экономическим основам, либо как не парадоксально моральным.

Понятие struggle (борьба) в английском языке, исходя из исследования Мишлановой С.Л. и Катлишиной Т.С. [2, с. 53-61], за свою многолетнюю историю прошло длительную семантическую эволюцию, начиная от борьбы как поединка, спортивного состязания, постепенно его значение расширилось до борьбы как способности выживать в тех или иных условиях, бороться с обстоятельствами, трудностями, не только с внешними, но и с

внутренними «врагами» (с самим собой), с болезнями. При этом если изначальная коннотация понятия носила скорее негативный характер в виде «злых намерений», «раздора», «мести», позднее она приобретает торжественные, созидательные очертания, где сопротивление говорит о силе человека, его возможностях добиваться чего-либо, невзирая на трудности.

В целом можно условно выделить три сложившихся направления по отношению к борьбе:

1. борьба как позитивное (конструктивное) явление;
2. борьба как негативное (деструктивное) явление;
3. борьба как диалектический закон (норма жизни, данность).

Позитивное отношение к борьбе прослеживается у Ф. Ницше, который всех призывал к борьбе, «будьте такими, чей взор всегда ищет врага» [3, с. 46]. Жизнь для него результат войны и воли к власти, а понятие мира «антибиологично», даже «деревья первобытного леса борются друг с другом из-за власти» [4, с. 57, с. 476]. Людям у него нужно бороться не за навязанные ценности и высокие идеалы, а за себя, свои мысли, бороться со своей слабой волей, чтобы в конечном итоге стать «сверхчеловеком». С психологической точки зрения, как потом опишет А. Адлер и З. Фрейд, вдохновившись его мыслями, неудовольствие — «результат стеснения воли к власти» [4, с. 474], поскольку по своей природе, человек постоянно стремится к удовольствию, для достижения которого необходимо устранять сопротивление через борьбу и победу в ней.

Немецкий философ и социолог Г. Зиммель считал борьбу одной из важнейших форм взаимодействия. В.М. Степаненкова, анализируя его работы, пишет, что у него «борьба всех за всех» (в отличие от знаменитого тезиса Т. Гоббса «война всех против всех»), где оппозиция порой единственное средство, благодаря которому отношения сохраняются и развиваются, а «в примирении, как и в прощении, заключается нечто иррациональное, что-то подобное опровержению того, чем только что было» [5, с. 163]. Зиммель не отрицал возможных негативных последствий подобного взаимодействия, как и представители всех подходов, при этом в его работах ставится явный акцент на позитивных аспектах борьбы. Подобные взгляды в некоторой мере прослеживаются у Л.Козера, Р. Дарендорфа, Г. Спенсера.

Позитивное отношение к борьбе характерно во многом для русской культуры, которая «осознает себя в категориях взрыва» [6, с. 269], как писал Ю. М. Лотман. Весь фольклор пронизан темой борьбы, причем особой, «не на жизнь, а на смерть», «не верь судьбе: спасение — в борьбе», «жизнь — в борьбе, а борьба — в жизни». К тому же борьба ведется не за узкоэгоистичные цели, а за высокие идеалы, зачастую общенародные, общегосударственные.

Негативное отношение к борьбе связано с её разрушающими свойствами, предполагается, где есть борьба, там нет мира, гармонии, равенства, согласия, консенсуса и сотрудничества, то есть тех свойств, к которым этот мир должен стремиться. Соответственно, процветает неравенство, несправедливость, нищета и насилие. Платон писал в «Законах»: «самое лучшее — это не война, не междоусобия: ужасно, если в них возникает нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие» [7, с. 75]. К данному подходу можно также отнести: Ф. Бэкона, О. Конт, Т. Парсонса, Э. Мейо, Й. Галтунга, пацифистские идеи Э. Роттердамского, Л. Толстого, М. Ганди.

Под борьбой как диалектическим законом подразумевается закон единства и борьбы противоположностей, где всё сущее носит противоречивый характер. Основателем диалектики, по основной версии, считается Гераклит, провозгласивший: «борьба всеобща, и всё рождается благодаря борьбе и по необходимости» [8, с. 361], и призывавший видеть не только борьбу противоположностей, но и их глубинное единство.

Серьёзный вклад в диалектику борьбы внесли: Г.В.Ф. Гегель, Н. Кузанский, И. Кант, Ф. Энгельс. Для современной философии характерен и другой подход, так сказать от диалектики к аналектике, признающий противоположности как форму существования, где абсолютной гармонии не бывает, «она всегда относительна, в зависимости от достигнутой степени преодоления существующих или возникающих дисгармонических состояний» [9, с. 121].

У представителей социально-биологического направления существует понимание, что в совершенной живой природе идет постоянная борьба суши и моря, дня и ночи, жары и холода, межвидовая борьба за существование, где наряду с этим «все организмы данного жизненного пространства приспособлены друг к другу. Это относится и к тем из них, которые на первый взгляд друг другу враждебны, как, например, хищник и его жертва, пожирающий и пожираемый. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что эти организмы — рассматриваемые не как индивиды, а как биологические виды — не только не вредят друг другу, но часто даже объединены общностью интересов» [10, с. 30]. Более того, по К. Лоренцу, животные одного вида, как правило, не убивают друг друга, не причиняют смертельных увечий, их борьба носит преимущественно видосохраняющий (улучшающий генетический фонд) характер, чего нельзя сказать о людях и многих войнах прошлого и современности. Однако «борьба за существование» в человеческом обществе проявляется не только в желании уничтожить другого, но и в стремлении спасти его, помочь [11, с. 312]. П.А. Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции», во многом критикуя социальный дарвинизм, подчеркивает важность коо-

перативных отношений как у людей, так и у животных, подводя итог, что «главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба» [12, с. 153].

Стоит отметить, что акцент современных форм борьбы постепенно смещается от насилия и агрессии к диалогу и сотрудничеству, однако необходимо признать, что немирные способы борьбы до сих пор остаются реальностью, особенно в условиях политической нестабильности и глобальных перемен.

Что же есть политическая борьба?

Что же есть политическая борьба? Если проанализировать современные публикации на русском и английском языках, имеющие в своем названии данное словосочетание, можно сразу обозначить несколько основных тенденций. Во-первых, крайне редко исследователи рассматривают феномен политической борьбы как самостоятельную категорию, хотя можно выделить работы следующих авторов: А.А. Борщ, А.А. Заикин, А.М. Зимичев. Преимущественно идет разбор в контексте какой-то страны, например, политическая борьба в Латинской Америке, Боливии, Китае и т.д. Часто обращаются к историческим примерам (политическая борьба при Борисе Годунове, политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов, борьба политических группировок в Атике и пр.). Во-вторых, основной пласт теоретической информации о политической борьбе исходит из марксизма в русле революционного мышления. В-третьих, политическая борьба нередко видится исключительно как борьба партий на выборах.

Более детальное изучение политической борьбы позволяет выработать следующее определение. Политическая борьба — динамичный и многогранный процесс по оспариванию или преобразованию существующих структур власти, в ходе которого действует противостояние различных субъектов (групп, общностей), отстаивающих свои противоположные интересы с помощью коммуникационных, организационных, экономических и иных инструментов давления на потенциально обширные целевые аудитории.

Сравнение понятий «политическая борьба» и «политический конфликт»

Изучение сходства и различия между рассматриваемыми категориями является важным компонентом данного исследования, несмотря на их явное пересечение и нередко синонимичное употребление, политическая борьба, как и политический конфликт, обладает собственной спецификой.

С точки зрения истории, понятие борьбы имеет более

глубокие корни в человеческом опыте, чем конфликт, заключающиеся не только в политической, физической, биологической, но и метафорической, морально-психологической форме. В целом понятие «борьба» можно рассматривать как родовое, включающее в себя различные формы противодействия, где конфликт не является исключением, различия в формах (способах) ее проявления.

Иногда «конфликт» и определяют как борьбу (в то время как найти определение борьбы как конфликта довольно сложно), нередко данная точка зрения исходит из марксизма, где антагонистические классы (эксплуататоры-капиталисты и эксплуатируемые-рабочие) вынуждены вступать в борьбу ради сохранения или улучшения своего положения, борьба здесь центральная категория и играет основную роль в историческом развитии, поскольку соответствует марксовому пониманию революционной деятельности. При этом К. Маркс отмечал, что «если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией» [13, с. 16]. Марксистская теория политической борьбы остается одной из самых влиятельных и по сей день. По мнению немецкого политолога К.Фон Байме, «ни одно из основных понятий политической борьбы и сегодня не возникает вне связи с учением К. Маркса» [14, с. 13].

В конфликте, как правило, стороны нередко отстаивают противоположные взгляды, но имеют общие точки для различных вариантов его разрешения, благодаря чему возможен компромисс и консенсус. Борьба может и часто должна длиться вечно, результат преимущественно «победители» и «проигравшие» или «взаимный проигрыш». Конфликт имеет временные границы, хотя и точно так же может неоднократно возобновляться, эскалировать, в определенном смысле борьба может являться продолжением неразрешенного конфликта. Т. Гоббс видел эту разницу так: «если воля двух различных людей производит действия, враждебные друг другу, то это называется конфликтом. Если же люди непосредственно действуют друг против друга, то это называется борьбой» [15, с. 568].

Ещё одно отличие состоит в том, что для борьбы нередко характерна бессубъектность, когда идет противодействие не только кому-либо, но и чему-либо как масштабному явлению-проблеме (борьба с терроризмом, экстремизмом, наркопреступностью, коррупцией, и пр.), которое по умолчанию рассматривается в контексте негативного, не предусматривающего дебатов, в то время как у конфликта всегда есть стороны. У Н.В. Гришиной, «борьба, как и конфликт, в качестве необходимого компонента включает в себя активные усилия, направленные на решение имеющейся проблемы, однако как фор-

ма социального поведения она не всегда имеет строго направленный характер и ясного «противника» (хотя и может при конкретном взаимодействии персонифицироваться)» [16, с. 33].

Исходя из вышесказанного, отчасти можно утверждать, что понятие «политической борьбы» связано с захватом и удержанием власти в целом, нередко в силовых формах (бунт, восстание, мятеж, переворот, революция), а «политический конфликт» как подчиненная часть первого, подразумевает столкновение конкретных индивидов, общностей, государств для реализации тех или иных целей и интересов, связанных с властью, но не ограниченных ею. Политический конфликт может протекать на межличностном уровне и носить локальный характер, для борьбы обычно характерны более крупные масштабы.

Говоря о схожести категорий, можно выделить следующие: 1) властный аспект. Политический конфликт и политическая борьба связаны прежде всего с захватом и удержанием власти; 2) динамичность. Борьба и конфликт включают в себя активно-негативные действия сторон, которые имеют развитие, в случае конфликта обычно описывается целая структурно-динамическая модель; 3) зачастую данные категории включают в себя применение силы (в том числе морально-психологической) и насилие; 4) характеризуются амбивалентной ролью в истории. Борьба, как и конфликт, может быть конструктивной и деструктивной.

Х. Арендт, в целом осуждающая органические метафоры (вроде борьбы за выживание) и насилие как единственный инструмент политической борьбы, подчеркивает, что оно может быть рациональным, но только для краткосрочных целей. «Требовать невозможного, чтобы добиться возможного, — не всегда бесплодная линия. И более того, насилие, вопреки уверениям его пророков, — это оружие не столько революции, сколько реформы» [17, с. 92].

Психологические основы политической борьбы

Для того чтобы раскрыть психологическую сущность политической борьбы, как один из вариантов, можно обратиться к борьбе физической и на ее примере показать, что психологический компонент играет если и не главную роль, то точно не второстепенную. Посмотрев внимательно на спортсменов, особенно признанных чемпионов, можно увидеть, что их физические возможности к олимпиадам, если и не равны, то редко сильно уступают друг другу, разумеется, есть природные предрасположенности к качеству исполнения тех или иных элементов, но в совокупности факторов каждый спортсмен подготовлен на пределе своих возможностей и ключевым шагом к победе нередко оказывается именно

психологический компонент.

В политической борьбе аналогично, конечно, тяжело победить, имея в своем арсенале палки да камни, как в метафорическом, так и в реальном смысле, однако «боевой дух» и грамотное психологическое воздействие на оппонента сложно переоценить, особенно сейчас в эпоху неклассических, когнитивных войн с использованием новых информационных технологий, где воздействие на массовое сознание происходит повсеместно.

Стоит отметить, что любая искусственно созданная человеком технология по своей природе создаётся для улучшения, инновации или регуляции того или иного процесса, будь то совершенствование промышленного производства или коррекция поведения людей в заданном направлении, например, для обеспечения национальной безопасности. Разумеется, что цель политической технологии может быть и узкоэгоистичная (в интересах отдельных лиц, групп, например, желание политика победить на выборах), но декларироваться она всё равно будет как значимая для «всех» и «во благо». «Характерной особенностью современных социальных и гуманитарных технологий является то, что в большинстве случаев результатом, на получение которого они направлены, является та или иная поведенческая реакция индивида (зачастую массового)» [18, с.63].

Глобальная угроза состоит в потенциальных масштабах подобного манипулирования. Если провести аналогию, например, с чисто военными действиями, то они, как правило, имеют ограниченный «радиус», число участников и во многом более понятные правила игры. Изогренность психологических манипуляций не знает пределов. Мозг — самая сложная часть человеческого тела и именно она, по словам Дж. Джордано, становится полем битвы в XXI веке. Несмотря на постоянные исследования, до сих пор трудно с полной уверенностью сказать как те или иные новые технологии влияют на мозг, особенно в долгосрочной перспективе. Однозначно происходит постепенное размывание границ между миром реальным и виртуальным, последний становится основной площадкой воздействия.

В контексте политической борьбы, цель подобного влияния — дестабилизация, дезинтеграция и ослабление существующего порядка в лоне врага. Основные платформы — социальные сети, их алгоритмы устроены таким образом, что рекомендации носят достаточно односторонний характер, однажды зацепив пользователя громким заголовком или иными приемами, контент становится всё более похожим, укрепляющим конкретные взгляды, изолируя субъекта от иных точек зрения.

Когнитивный аспект проявляется прежде всего в стремлении к упрощению информации, стереотипиза-

ции. В качестве основных используемых когнитивных эффектов выделяются уже известные социальной психологии: эффект социальной желательности, эффект «якоря», эффект фрейминга, эффект повторения, эффект роли, эффект третьего лица и др. С точки зрения черт личности, политические психологи чаще всего связывают склонность к политическому экстремизму (как одной из крайних форм политической борьбы) с ригидностью [19], авторитаризмом [20] и темной триадой [21].

Активно проявляют себя феномены групповой идентификации и групповой сплоченности в борьбе. Они возникают прежде всего у «групп поддержки» и опосредованных адресатов каждой из сторон, происходит разделение мира на «наш» (свой) — правильный и «их» (чужой) — неверный. Чем глубже происходит разделение на «мы» и «они», тем больше такая борьба носит антагонистический характер.

Иногда серьезное противостояние может зарождаться через слухи про оппонента как специфический механизм психологического воздействия, неподтвержденная информация (часто при отсутствии официальной версии или недоверия к ней либо при отсутствии полноты информации, либо при неоднозначности или наличии иных версий), вызывающая состояние эмоционального возбуждения и желание поделиться ею с каким-то конкретным человеком или большим количеством людей.

Ещё одним излюбленным приемом, часто меняющим соотношение сил в борьбе, является политический скандал (отличается от слухов масштабом, чаще основан на фактах, но слухи могут предшествовать ему), древнейшая политическая технология, однако в сетевом обществе она заиграла новыми красками. В политическом скандале стороны стремятся реализовать свои интересы с помощью апелляции к третьей стороне («общественности») для трансформации их мнений и поведения в заданном направлении, исходя из целей сторон, во многом ради уничтожения репутации противника в глазах общественного мнения. Ярким примером может

служить недавняя встреча В. Зеленского и Д. Трампа. Отсутствие правильной реакции на манипуляции, в том числе по причине недостатка ресурсов, уничтожило репутацию В. Зеленского за одну встречу, даже среди людей, изначально относившихся к нему с симпатией. По большей части меры по восстановлению репутации в таких случаях, как и действия по её разрушению, «никто не может нанести больший урон репутации г-на NN, чем сам г-н NN» [22, с. 24], зависят от самого политика, его антикризисных мер, слаженности заявлений в СМИ и дальнейших «исправительных» действий. Однако стоит признать, что никто не застрахован от провокаций подобного рода.

Преимуществом в политической борьбе сегодня будет обладать тот, кто первый завладел медиапространством, имеет достаточное количество последователей (подписчиков), знает алгоритмы системы, умеет использовать новые технологии, а также противостоять им и меняющимся реалиям. Очевидно, это требует целого комплекса политико-психологических знаний, цифровой грамотности.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, политическая борьба остается сложным и неизбежным политико-психологическим явлением. Пока есть государство, есть и политическая борьба. Но и не будь государства, борьба бы осталась. Развитие общества отодвигает на второй план эволюционную теорию, хотя и не может отказаться от неё в полной мере, появляются новые технологические вызовы, борьба за территории уступает борьбе за сознания. Как никогда требуется развитие критического мышления, освоение базовых психологических знаний о политической борьбе. Начатое теоретическое исследование, предполагает в дальнейшем углубление знаний в области современных инструментов нейронауки, когнитивных исследований, а также проведение эмпирического исследования представлений молодежи о политической борьбе в условиях глобальных перемен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова. Наука, 2016.
2. Мишланова С.Л., Катлишина Т.С. Формирование значения слова «struggle» в английском языке // Вестник пермского университета. 2015. №2 (30). С. 53-61.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2024.
4. Ницше Ф. Воля к власти. Москва: Издательство АСТ, 2024.
5. Степаненкова В.М. «Борьба всех за всех»: теория конфликта Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 149-165.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
7. Платон. Законы // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1994.
8. Лазертский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
9. Штракс Г.М. Социальное противоречие. М., «Мысль», 1977.
10. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Философский архив, 2016.
11. Sorokin P. Contemporary sociological theories. Harper & Brothers, 1928.

12. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., Политиздат, 1974.
14. Борщ А.А. Политическая борьба в современных условиях: монография. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2011.
15. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1. / Пер. с лат. и англ. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989.
16. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008.
17. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014.
18. Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистемология и философия. 2012. №1. С.55-64.
19. Zmigrod L. The role of cognitive rigidity in political ideologies: theory, evidence, and future directions. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. pp.34–39.
20. Wintrobe R. Extremism, suicide terror, and authoritarianism. *Public Choice*, 2006. pp. 169–195.
21. Duspara B., Greitemeyer T. The impact of dark tetrad traits on political orientation and extremism: an analysis in the course of a presidential election. *Heliyon*. 2017. No. 3(10). pp. 1-10.
22. Олейник И.В. Плюс / Минус репутация. Самара: Бахрах-М, 2003.

© Брызгалова Анита Вадимовна (anita.bryzgalova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»